

ИДУЩИЙ ПРОТИВ ВЕТРА

Раннее зимнее утро; городская окраина. Небольшую площадь, освещенную единственным фонарем, пересекает мужчина средних лет в пальто и без шапки; фигура идущего наклонена вперед, правой рукой он прикрывает горло. Справа, по ходу идущего, в низеньком домике ярко горят три окна.

Вопрос: куда идет идущий?

Ответ: разумеется, идущий идет в домик со светящимися окнами, куда ж ему еще идти в такую рань?!

Хорошо. Вопрос: а этот домик со светящимися окнами — это дом идущего?

Ответ: ну... в некотором смысле — да; его, можно сказать, вторая родина. Домик называется "Капелька" и является не чем иным, как небольшим компактным питейным заведением, где идущий против ветра, укрывшись от враждебной свежести предрассветного ветерка, утолит, наконец, мучающую его жажду, остановит пугающие тектонические процессы у него под ногами (это недоброе шевеление почвы), пресечет неутомное шныряние неопознанных летающих существ по краям поля зрения и просветлит густую тяжелую тьму, которой до краев наполнено маленькое, трепещущее как лань, сердце идущего против ветра.

Вопрос: а...

Ответ!

Дверь на пружине; до рези в глазах яркий свет; прилавок. Заспанная Вера (она же надежда и любовь) свободно и не целясь, наливает сто пятьдесят водки и возвращается в подсобку, где продолжает греметь стаканами и кружками. На предмет закуски закурная сигарета; не то чтобы трясущаяся с похмелья, а скорее крайне взволнованная возложенной на нее ответственностью рука; холодные грани стакана, и — не успеваешь сосчитать до десяти (если считать не торопясь), как окружающий мир, тронувшись, начинает светлеть, добреть, расширяться... Аллилуйя!

Дома я съел яичницу, закурил и повалился на кровать. Настроение было самое расчудесное; жаль было засыпать. Я включил радио. На радиостанции "Свобода", сгрудившись вокруг круглого стола, какие-то шустрые славички оживленно обсуждали войну в Чечне. Я взял с подоконника найденную еще в декабре возле мусорного контейнера брошюру с желтыми, пересохшими, ломкими страницами — мое любимое чтение на

протяжении последних двух недель. Каталог картинной галереи императорского Эрмитажа за 1887 год. Второй том. Германская школа. Медленно поднималось февральское солнце, ярким светом заливая площадь за окнами, комнаты в доме и одну за другой возникавшие в моем гостеприимном воображении картинки, описание которых я читал в каталоге.

Привал путешественников. — Двое мужчин и дама в голубой юбке и желтой накидке на белом коне с маленькой собачкой на руках остановились перед шинком. Один из мужчин, смеясь, показывает даме свой пустой стакан; другой слез с лошади и разговаривает с шинкарем. Направо приближается бедное семейство с ослом, у которого на спине в корзине лежит ребенок. Налево старуха у входа в шинок.

Покупка винограда. — В прихожей, на стене которой висит географическая карта, девочка в красном платье покупает виноград у старой овощницы, которая взвешивает свой товар на весах. Девочка, улыбаясь, кладет кисточку винограда в рот служанки, которая на коленях держит фаянсовый поднос для укладки плодов. Позади девочки гувернантка в желтом платье с белым передником расплачивается за покупку; возле нея маленькая собачка глядит на свою госпожу. Направо стул, покрытый зеленоватой материей. В открытую дверь виден пейзаж.

Гуляка. — Старик пошлой наружности сидит у стола, держа в руке стакан пива; возле него крестьянин, также сидя, набивает трубку свою. Вдали другой крестьянин, обращенный лицом к стене. Фигуры поколенные.

Зима. — Несколько мужчин катаются на коньках и играют в мяч на замерзшем канале, на берегу которого стоит ветряная мельница. На первом плане рыбак продает двум мужчинам рыбу. Несколько дальше видна хижина; направо виселица с двумя повешенными, а на заднем плане город. Ветер слегка качает окоченевшие трупы; слышны веселые голоса, скрип коньков и удары по мячу...

Я проспал четыре часа; когда проснулся, радио все еще работало на волне "Свободы"; а может быть, волна ушла, а потом вернулась. Речь опять шла о Чечне. Из чеченского министерства информации (оказывается, там, в горах, и такое есть) шустрым славичкам рассказывали жуткую историю. Прямо на трассе Ростов-Баку (прямо на трассе) русские десантники зарезали около восьмидесяти турков-месхетинцев. Прямо на трассе. И все это происходило на глазах у пассажиров проезжающих по трассе автобусов, особенно женщин и детей. Так было доложено. Вот это "особенно женщин и детей" (почему старики остались не у дел?) мне понравилось больше всего. Славички в студии поддакивали, сдержанно, но скорбно вздыхали. Ну,

разумеется, они не верили ни на копейку во всю эту чушь, но, может быть, их попросту завораживала сама по себе предложенная им картинка, так же, как меня завораживали описания картин из моего каталога? Да я и сам живо представил себе эту сценку: перекошенные мукой лица жертв, окровавленные, дымящиеся на морозе полущубки десантников, расплющенные о стекла автобусов лица особенно женщин и детей...

В тот день дел у меня было невпроворот. Я выпил в "Капельке" боевые сто пятьдесят грамм и отправился в город. Точнее, дел было всего одно, но для меня и этого было много. Двоюродная тетка моей покойной матушки, будучи одинокой старой девой, когда-то давным-давно переписала на меня свою однокомнатную квартирку на ул. Завокзальной (это другой конец города), которая и отошла ко мне после ее смерти. Года два назад я стал сдавать ее супружеской паре с ребенком, беженцам из Таджикистана, и теперь 15-го числа каждого месяца езжу к ним за деньгами, на которые, собственно говоря, и живу.

У квартирантов меня ждал неприятнейший сюрприз. Денег не было. Так мне было сообщено моей квартиросъемщицей Зоей. При этом, разумеется, краска смущения, заламывание рук, мольба во взгляде и проч. Деньги были, вот еще позавчера они были, но пришлось срочно отослать свекрови в Мурманск на операцию, к тому же, как назло, мужу задержали зарплату, и им, в свою очередь, тоже кое-кто должен приличную сумму и никак не отдаст, нет у людей совершенно ни стыда, ни совести, и дальше все в том же духе, с той же плачуще-просящей интонацией... Действие выпитых в "Капельке" ста пятидесяти грамм подходило к концу. В такие минуты я всегда несколько циничен. Что ж, сказал я, слезами горю не поможешь, будем выносить вещи и прощаться. Зоя метнулась на кухню, а затем, накинув пальто, выскочила за дверь. Я сейчас, сказала она, к соседке. Мы остались вдвоем: я и дочь Зои, девица лет шестнадцати, старшеклассница. Я опустил на стул и закурил. Девица сидела напротив, положив ногу на ногу, уставившись в какую-то книгу, время от времени отбрасывая со лба челку. Во всей ее позе читалось демонстративное презрение ко мне, бездушному, бессовестному, ничтожному вымогателю. Зоя вернулась довольно быстро, я не успел выкурить папиросу, и положила передо мной на стол деньги. Очевидно, они у нее были, и ни к какой соседке она не ходила, а просто постояла пару минут в подъезде. Накинуть им, что ли, десятку за такие фокусы, подумал я, взял деньги и ушел.

На улицах было все так же солнечно. Домой идти не хотелось, и я ре-

шил погулять по городу. Около получаса я бродил, потом вдруг, неожиданно для себя, добравшись до центра, решил сходить в гости. На улицах была уйма недурных девиц, многие из которых поглядывали на меня с интересом. Я уже давно заметил, что с похмелья пользуюсь успехом у встречных барышень. Вряд ли запой как-то облагораживает мою наружность, но, может быть, я — небритый, мрачноватый — кажусь им каким-то чрезвычайно романтичным и опытным?.. Поди пойми их.

Итак, я решил пойти в гости. И не к кому-нибудь, а к Савицкому. Тут необходимо небольшое пояснение.

Начнем-с с трюизма: у каждого в жизни есть нечто такое, что лежит на его совести невыводимым пятном, давит тяжким грузом и т. д. Кое-что есть и у меня. Нет, я не расстреливал несчастных по темницам, не крал последних денег у многодетных вдов и не растлевал их малолетних детей. И тем не менее. Я... одним словом, когда-то по нелепому стечению обстоятельств я оказался в числе участников так называемого правозащитного движения в нашем городке, и даже провел два года на "химии". И вот именно этот факт своей малоинтересной биографии я до сих пор не могу вспоминать без жгучего стыда, доводящего меня иногда даже до каких-то внутренних судорог, до ломоты в суставах.

Тогда, в те давние уже годы я кое-что пописывал (впрочем, мои прозаические опыты, слава Богу, были вполне безобидными) и, как большинство пишущих в нашем городе, в конце концов, попал в компанию Савицкого.

Вино, много вина, сочиняющие стихи девицы с нематыми шеями и более чем выразительными взглядами, бородатые художники, неумолкающие радиоголоса (какая радость, когда какой-нибудь попка за кордонном упомянет твое или же даже просто знакомое тебе имя!), самиздат, тамиздат и проч., проч., проч.

Скорее всего, я тогда просто угодил под горячую руку, под какое-нибудь мероприятие. Меня вместе с Савицким взяли в оборот за тунеядство. Причем, самое забавное, что Савицкому удалось отделаться проникновенными беседами в кабинетах госбезопасности, а вот мне пришлось провести два года на стройках народного хозяйства. Эти-то два года и сделали меня в глазах публики правозащитником. Смех, да и только. Впрочем, если не считать несводимого пятна и внутренних судорог по ночам.

Мое возвращение как раз совпало с входящими в силу переменами в стране. Савицкий, помнится, начал выезжать тогда за границу, читал даже там какие-то лекции (какие? кому? о чем?); я же заперся у себя на хуторе. Вначале тяжело болела моя любимая матушка (толчком для болез-

ни послужила история со мной), потом нелюбимый батюшка, потом я, похоронив обоих, пристрастился к алкоголю...

Словом, с Савицким мы не виделись несколько лет. Даже не знаю, чего это вдруг меня к нему потянуло. В общем, взял я бутылку водки и отправился по хорошо известному мне адресу.

Уже через полчаса, да какое там, — через минут пятнадцать я понял, что не следовало мне сюда соваться. Сквозь пыльные стекла ярко лупило холодное февральское солнце; мы — я, Савицкий и его юный друг Вадик (я давно знал об этой склонности Савицкого, которую он раньше тщательно скрывал) пили водку, закусывали апельсинами, и говорить нам было решительно не о чем. Из разных концов комнаты за нами наблюдали два престарелых кастрированных кота — Бобчинский и Добчинский, которых я помнил еще котятами. Меня так и подмывало встать и уйти, и удерживала только недопитая водка. Мы с Савицким перебрали общих знакомых, до которых, по всему было видно, ему не было никакого дела, а уж мне тем более. На этом наша беседа приказала долго жить. Блядь, подумал я, надо же быть таким идиотом — испортить себе такой чудесный денек!.. Что ж, теперь получай.

Встреча друзей. — В комнате, ярко освещенной солнцем, сидят за столом трое мужчин: средних лет педераст в желтой рубашке и коричневой жилетке, его молодой любовник в зеленом свитере и с серьгой в ухе, и еще один испитой, небритый, пошлой наружности мужчина в пальто, очевидно гость. На круглом столе, накрытом бархатной пурпурной скатертью, — бутылка водки, рюмки, два апельсина, один из которых разрезан на дольки. В простенке между окнами стоит кресло в стиле ампир, на котором лежит, подобрав под себя лапы, и смотрит на сидящих за столом большой пушистый дымчато-полосатый кот. Там же в простенке над стулом висит цветное изображение мандалы. Фигуры поколенные.

Я спросил у Савицкого, собирается ли он весной перебраться на дачу, что он делал каждый год. Он ответил, что не собирается, поскольку дача продана, вернее, продан был участок, поскольку домик сожгли два года назад. Я спросил, удалось ли ему узнать, кто это сделал. Савицкий как-то побабьи пожал плечами, сказал: какая разница, значит, так было нужно... какое-то хулиганье, наверное... Мы их называем "кармические санитары", добавил он. Не понял, сказал я. Я говорю: мы их называем "кармическими санитарями", повторил Савицкий. А-а-а, протянул я и подумал: это что еще за санитары такие, и кто это "мы" — Савицкий, Вадик и Бобчинский с Добчинским?.. И тут Савицкого как прорвало, и он понес, набирая обороты,

что-то про карму, про ее исправление, про какие-то энергии, тонкие миры, грязные излучения, программы зла и проч. и проч. и проч. И уже через четверть часа мне стало казаться, будто голова моя набита какой-то пыльной трухой или грязными тряпками, а хмеля в ней как не бывало, и у меня просто руки зачесались от желания схватить бутылку и дать Савицкому по голове. Нисколько не заботясь о соблюдении приличий, я, как только мог, быстренько свернул эту проповедь, распрощался и был таков.

...Злой, голодный, промерзший, я возвращался домой, к себе на хутор, и какой же радостью было для меня увидеть ярко и весело горящие окна "Капельки" и тени посетителей на занавесках!..

В этот сырой туманный вечер "Капелька" была забита до отказа. В дальнем углу сидел Иван, мой ближайший сосед (дом, в котором я живу, разделен на две половины, одна из которых принадлежит ему); рядом с ним сидел еще некто, устало опустивший голову на поставленные на стол кулаки. На радостях, не спрашивая, я взял тому и другому, как и себе, по сто водки.

— Добрый вечерок! — сказал я, ставя на стол стаканы и протягивая Ивану руку. — Как делишки?..

— Да так... Ничего хорошего. Четвертые сутки болит поясница, — отвечал Иван, отрываясь от газеты и щурясь на меня сквозь дым сигареты. — По какому случаю угощение?

Я ответил витиевато:

— По случаю утраченного было, но вновь обретенного душевного равновесия. Одним словом: за радость обретения!

— Радощчь... — глухо произнес в стол приятель Ивана.

Мы с Иваном выпили, приятель не стал.

— Бывает ли с тобой, Иван, такое, — начал я, запив водку томатным соком, чувствуя приятнейшее возбуждение и необыкновенное желание говорить, говорить... — бывает ли такое, что окружающий мир вдруг предстает какой-то скверной картинкой скверно намалеванной на похабно отсвечивающем, громыхающем на ветру листе жести?..

— Жещчи... — не поднимая головы, поправил меня приятель Ивана.

— Бывает ли с тобой такое, сосед?

— Непростой вопрос, — усмехаясь одними глазами, уклончиво отвечал Иван.

— А вот у меня бывает. И если бы ты только знал, какая это мерзость!..

— Мержощчь...

— Друг изучает польский? — спросил я.

— Вероятно. Я вообще-то вижу его первый раз, — сказал Иван.

Мы распили с Иваном сто грамм, которые я взял незнакомцу, и отправились ко мне, поскольку "Капелька" уже закрывалась, и Вера начала разгонять посетителей.

Мой сосед Иван человек таинственный. Очевидно, он оказался единственным наследником моей соседки, покойной Ирины Петровны. Поселился он у нас на хуторе около года назад. До сих пор я знаю о нем очень мало, и может быть, знал бы побольше (в чем сомневаюсь), если бы не моя никудышная, изъеденная алкоголем память.

Капитан в отставке, последнее место службы где-то в Германии. Здесь устроился на работу в какую-то строительную фирму. Любит выпить. Раз в две-три недели приводит к себе на ночь девицу; девицы, как правило, самого последнего разбора; судя по всему, подбирает он их здесь, недалеко, на трассе, на так называемой "стометровке".

Вот, собственно, и все. Думаю, что если бы не тесное наше соседство, вряд ли бы мы с ним когда-нибудь сошлись.

Спускается как-то на территорию Германии летающая тарелка с инопланетянами или, если угодно, с гуманоидами. Ну, немцы давай их встречать. Гуманоиды, которые, кстати, по внешнему виду мало отличаются от нас, ведут себя при этом крайне сдержанно, по большей части отмалчиваются, реагируют на все довольно вяло, поджав губы. Ну, решили тогда немцы показать им страну и повезли по своей Германии, по своим вылизанным, аккуратным городкам, бургам и баденам. Прокатили, показали, и тут гуманоиды спешно засобирались в обратный путь. И ни на какие уговоры еще немножко погостить не соглашаются. Ну что ж, насильно не удержишь... Устроили им хозяева пышную церемонию прощания. И в конце церемонии старший из этих братьев по разуму, поблагодарив за теплый прием, вдруг, не удержавшись, уже перед тем как спрятаться в свою хромированную тарелку, с нескрываемой брезгливостью спрашивает: "И все-таки, как же вы можете вот так, как свиньи, жить по уши в такой грязи?!". И улетел, не дождавшись ответа. Среди провожающих немая сцена.

Эту историю (или, если угодно притчу), как иллюстрацию к нехитрому тезису о том, что все в этом мире относительно, Иван рассказал мне в одно из первых наших застолий. Мне вообще очень нравится его своеобразное чувство юмора. Вот, например, замечательное сравнение, которым он определил свое отношение к бывшей, уличенной в измене жене (ага, вот ведь и про жену он что-то мне рассказывал!). "Знаешь, — сказал он тогда, — это вот как в общем вагоне поезда Саратов-Павлодар уронить

в туалете на пол паспорт: и оставлять вроде бы нельзя, и поднимать ужасно не хочется..."

...Господи, Господи, Господи... Помилуй мя, Боже, и научи оправданием Твоим, взыщи с меня, Господи, за грехи мои, но только, молю Тебя, но только дай мне возможность не видеть этой кровавой сутолоки, этого страшного трудного копошенья, этой подступающей чични, из недр которой выползает, скалясь, извиваясь, раздавая улыбочки направо и налево, эта скользкая липкая тварь, мягкая и похотливая саверахалана!..

...среди ночи я проснулся...

В гостиной горел свет, верхний свет, все четыре лампочки в люстре. Отчетливо тикали ходики. И раздавались шаги. Чьи-то мягкие тихие шаги. Как будто кто-то там прогуливался по комнате.

Надо сказать, что со мной уже однажды ночью приключилось одно странное происшествие. Вернее, было это не ночью, а перед рассветом, когда только-только начинало светать. Я, лежа на спине, проснулся и увидел перед собой странную, даже поразительную картину — завораживающе-прекрасную и отвратительную одновременно. При жиденько-сером освещении начинающегося утра я увидел, что потолок надо мной оказался метра на три, если не на все пять, выше, и весь он был изрезан затейливой, узорной, сводящей с ума своей тончайшей изощренностью резьбой, и по всем прогалинам и прорезям, не минуя и самой узкой ложбинки, по всему потолку медленно струился густой блекло-пестрый дым; по всем четырем стенам этот дым стекал вниз, но не доходил до меня, растворяясь где-то по пути. Я лежал с запрокинутой головой, глядел вверх и страшно хотел спать, и даже это необычайное зрелище не могло победить во мне этого желания. При этом я вполне отчетливо сознавал, что в эту минуту я не сплю, и еще у меня было ощущение, что в таком состоянии мой потолок пребывает все время, когда я его не вижу, что я нечаянно подглядел, увидел потолок в его настоящем виде. Я продержался несколько минут и заснул. И утром у меня даже не возникло и мысли, что все это мне пригрезилось. Вы скажете: ну, что ж, налицо результат этого дела (щелчок по горлу), приближение белочки, да я и не стану отрицать, но только, может быть, прав был все-таки господин Свидригайлов, ну там, когда говорил о соседних мирах, о близости их во время болезни и проч.?.

Итак, я проснулся среди ночи, увидел, что в гостиной горит свет, и услышал мягкие неторопливые шаги. Все мое тело, в каждом его суставе,

в каждой мышце, было расслабленно и как будто развинчено; слегка знобило и, опять же, страшно хотелось спать. Я натянул одеяло до самого подбородка, повернулся на бок, лицом к гостинной, и стал ждать, гадая, кто бы это мог быть. Ни волнения, ни страха я не ощущал, а только какое-то дремотное любопытство томило меня. Сначала я подумал, что это, должно быть, мой сосед, Иван. Может быть, ему среди ночи понадобился хлеб, например, или соль, или спички, может быть, у него закончились сигареты, — мало ли что?.. Потом я подумал, что хотя Иван и странный человек, и даже чрезвычайно странный, но все-таки не настолько же он странен, чтобы зажечь весь свет в комнате и разгуливать по дому, не разбудив прежде меня. Вряд ли бы он постеснялся меня беспокоить, просто вошел бы и растолкал, как это уже бывало. Потом я решил, что это кто-то из местных лихих ребят, может быть, какой-нибудь завсегдашай "Капельки" забрался в дом в надежде чем-то пожить. Ну, на этот счет я был абсолютно спокоен — брать у меня было решительно нечего, кроме, разве что, лампочек в люстре, а бутылка водки стояла в изголовье. Вот только, опять же, я никак не мог понять, для чего злоумышленнику понадобилось включать верхний свет. Словом, борясь со сном, я продолжал лежать и ждать, уверенный в том, что наша встреча, если она состоится, напугает больше пришельца, чем меня. Между тем мягкий топот то умолкал, то вновь возобновлялся, и, наконец, стал приближаться. Через минуту в дверном проеме появился черный силуэт, и незнакомец встал на пороге, облокотившись о дверной косяк. Роста он был небольшого и какой-то весьма странной формы — что-то у него было то ли с головой, то ли на голове. И очень он мне кого-то напоминал. Да, он напоминал мне отца, когда тот, еще будучи здоровым, выходил на порог и вот так вот становился покурить. Но кто же это мог быть?.. И тут я услышал хорошо знакомый голос:

— Не спишь?

Папаша. Он самый. Я наконец разглядел, что на голове моего родителя помещался цилиндр, да и в остальном он был одет не менее причудливо: что-то долгополое было на нем, вроде фрака, полосатые брюки гармошкой ложились на тускло блестящие туфли, в правой руке была трость, да, да — трость!..

— Нет, — ответил я на его вопрос. — А ты... какими судьбами?..

— Да вот, зашел проведать...

Он стоял, чуть склонив голову набок, тихонечко постукивая концом трости по полу.

— Ну и как там у вас? — спросил я.

— Недурно. Совсем недурно. Гораздо лучше, чем я ожидал, — быстро ответил он, видно, готовый к такому вопросу.

— А ты разве ожидал? Что-то я сомневаюсь...

— А почему тебе знать, ожидал я или нет? Как мне помнится, мы с тобой на эти темы не говорили.

— Глупости, — сказал я. — Ни хрена ты не ожидал. Уж мне-то не надо рассказывать.

— А почему тебе знать, ожидал я или нет? Как мне помнится, мы с тобой на эти темы не говорили.

Помолчали.

— Ну и как там у вас? — спросил я. — Все купаются в свете и вечном блаженстве?

— Ну, бывает, что и купаемся. Но вообще-то просто спокойно. Я бы даже сказал: просто уютно.

— И каждого поступившего одевают вот в такой нарядец?

— Ну, почему же "одевают" — каждый сам себе выбирает и одежду, и обстановку. На свой вкус и в соответствии со своим представлением об изящном и прекрасном.

Я чуть не рассмеялся.

— Вот единственное, в чем тебя никогда нельзя было упрекнуть, так это во вранье. Ты здесь никогда не врал. Это тебя там научили? Славное заведение, ничего не скажешь...

— Я и не вру.

— Ну конечно! Хочешь сказать, что ты сам себе выбрал и этот дурацкий цилиндр, и эту трость? Да ты и не знал никогда, как они выглядят! Так же, как и не знал, что такое представление об изящном...

Кажется, его немного смутил мой насмешливый тон.

— Ты заблуждаешься, — возразил он. — Говоришь о том, о чем не имеешь ни малейшего понятия. По-твоему я, конечно, не мог иметь никакого представления о прекрасном... Это не так. Я ведь кое-что повидал на своем веку, в этом же ты мне не можешь отказать. И среди того, что я за свою жизнь перевидал, попадалось же иногда и прекрасное, и изящное... и изысканно-утонченное... Да-да, не усмехайся. Пусть я не обращал на него никакого внимания, хотя и это не так, пусть не придавал никакого значения, но я же это видел. Хоть краем глаза, но видел же... в кино, по телевизору... какая-нибудь случайно увиденная красивая упаковка, например; посуда — помнишь те наши две старинные тарелки?..

— Которые ты разбил по пьянке. Одну из них об мою голову, — вставил я.

Модель беспорядка

— Я уже не говорю о природе, — продолжал он, не обращая внимания на мою реплику, — какая это красота, какое величие!.. Деревья, цветы, животные!.. Горы! (Я в молодости ездил по Военно-Грузинской.) Тут все идет в ход... Все складывается из разных деталей, осколков, фрагментов воспоминаний — ничего же не забывается... Конечно, мне трудно сравниться с каким-нибудь художником или коллекционером, любителем прекрасного, но, скажу тебе, разница, в общем-то, и невелика. Разница в том только, что он видел прекрасное и знал, что оно прекрасно, а я видел и не знал. Так что еще неизвестно, кому тут из нас больше повезло, мне или ему — ему-то все это привычно, а вот для меня все вновь, свежо. Вот так. А ты, наверное, надеялся, что я в аду буду гореть, да?..

— Ну, а как мать? Видишь ее там? — спросил я и почувствовал, как мне перехватило горло.

— Нет, мы не видимся.

— Ну, а вот это вот — слава Богу! Значит, палачи и жертвы там все-таки врозь... И на том спасибо.

— Ерунду говоришь. Нет там ни жертв, ни палачей, а не встречаемся мы потому что не чувствуем в этом никакой необходимости. Ни я, ни она.

— Ну, хорошо, — сказал я. — Горы, тарелки и упаковки у тебя сложились в прекрасное. А вот во что сложились твои пьяные дебоши, твоя матерщина, твое выбрасывание нас с матерью на улицу... осколки от тех же тарелок?..

— А никаких дебошей не было.

— Вот как! Не было?

— Не было.

— Лихо. А что же тогда было?

— А ничего не было. И ничего нет. И тебя нет. Есть только я.

— Какого же тогда хрена ты ко мне заявился?

— А я и не заявлялся. Это сон. Просто сон. И угадай чей.

— Так. Это ты мне сейчас начнешь втирать что-то вроде истории про того долбаного китайца с его долбаной бабочкой? Спасибо, не надо. Это, пожалуйста, к Савицкому.

— Да ничего я тебе не собираюсь, как ты выражаешься, втирать. Зачем? Ведь ты и есть та самая долбаная бабочка.

— Ладно. Всё. Пошел в жопу, — сказал я и перевернулся на другой бок, лицом к стене.

Я все думаю, чем это всю дорогу занимаюсь. Да тем же, чем и все. Вглядываюсь, пытаюсь уловить упорядоченность. Неважно, в чем. Как бы выявляю некую формулу порядка. Что, в общем, вполне нормально, то есть в пределах нормативного мироощущения, я бы даже сказал, МИРОПРИЯТИЯ. Это такая наша врожденная особенность: желание комфорта, стремление придать хаосу видимость предсказуемости, а то и управляемости.

Который раз вспоминаю нашего университетского физика. В пределах банальной мудрости — фигура поистине выдающаяся. Он как-то спросил аудиторию: "Как вы думаете, а чем, собственно, занимается наука? Любая наука". Мнения разошлись. В конце концов, лектор подтащил разношерстных мыслителей к следующему выводу. Наука, по его авторитетному мнению, занимается исключительно предсказанием, прогнозированием. Грубо говоря, отвечает на вопрос, что получится, если сделать то-то и то-то. Может, это и есть полузагадочное "умение многих гитик"?

Если идти еще дальше, то на финише у нас выходит исключительно седативная сущность познания. Другими словами, главное не столько в деловом, так сказать, прагматизме всего процесса, сколько в профилактическом, укрепляющем оптимизм и, следовательно, драгоценное здоровье.

Короче говоря, если глубоко копать, выкапывается единственно тоска смертная.

Непредсказуемость симпатичнее. Я приведу несколько примеров. Откровенно говоря, тоже преимущественно из прагматических соображений. Потому что самонадеянно считаю, что всякий беспорядок не то чтобы вполне закономерен, но может быть апробирован на вкус, в удовольствие дегустирован. Как бы это вам объяснить. Примерно так, что каждый отдельно взятый хаос (тот же пейзаж обратной лунной стороны или натюрморт с дунайской селедкой) наверняка имеет собственный полезный смысл. Когда, скажем, беспорядочность твоего собственного как бы божественного существования совпадает с ясновидением. На языке законников это будет что-то вроде индивидуального, эксклюзивного, необщего седативного средства. И — более того: пугливость, суетливость, леность среднестатистического упорядоченного (организованного) познающего — серьезная помеха подбора этого самого уникального эксклюзивного седативного (три ОГО кряду!) препарата.